

В десятке ли к западу от города Юнчжоу тянулась гора, заросшая густым лесом. Когда налетал ветер, среди вековых крон рождался заунывный свист, похожий на чей-то плач, отчего эту вершину и прозвали горой Воющих Ветров.

У подножия примостилось несколько скромных заведений: здесь были и чайная, и постоялый двор, и трактир. Тут отдыхали крестьяне после работы в поле и находили приют путники, не успевшие добраться до городских ворот до начала комендантского часа. Миновать это место по дороге в Юнчжоу было невозможно.

Стояли суровые зимние холода, земля промерзла, и у крестьян, свободных от полевых забот, вошло в привычку собираться здесь за чаркой-другой горячего вина. На улице валил густой снег, похожий на лебяжий пух, но в кабаке яблоку негде было упасть. Местные землепашцы и бродячие люди из Цзянху тесили бок о бок; пьяные выкрики смешивались со скрежетомдвигающихся скамей, и в заведении царило шумное оживление.

Трактирный слуга нес кувшин с подогретым вином, но не успел поставить его на стол, как посудину бесцеремонно перехватили. Гость в темно-фиолетовом плаще, укутанный так плотно, что не разглядеть лица, выпростал из-под полы руку, наполнил чарку и единым духом осушил ее, невзирая на обжигающий жар. После чего повернулся к застывшему малому:

— Братец, принеси-ка еще один. Ну и холодрыга, до костей пробирает.

Малый с улыбкой закивал и поспешил на кухню. Человек в фиолетовом плаще спрятал руку обратно под сукно и передернул плечами — хмель наконец-то прогнал озноб. Горячее вино согрело нутро, кровь побежала быстрее. Гость шумно вздохнул:

— Ну и времена настали. Думали, с воцарением нового императора хоть немного поживем спокойно, ан нет — этот оказался еще хуже прежнего, совсем стыд потерял. В столице устроил кровавую чистку, так теперь еще и в Павильоне Небесной Оси беда стряслась. Похоже, небо над нами скоро рухнет.

— Тише ты, брат Ли! Язык твой — враг твой, — сидевший напротив мужчина в сером халате поспешно зажал ему рот и испуганно зашептал: — Сейчас повсюду уши. Не болтай лишнего, не ровен час на плаху угодишь, да еще и родню за собой потащишь!

— Какая плаха? Кого тащить? — отмахнулся тот. — Сюнь Хайши мертв, император теперь остался без глаз и ушей. Неужто ты думаешь, что его руки дотянутся до нашего Юнчжоу?

— И то верно. Только смерть этого Сюнь Хайши донельзя странная. Ума не приложу, кто мог с ним сквитаться?

Оба замолчали, погружившись в раздумья. Как ни пытались они перебрать в голове имена известных мастеров, никто не подходил на роль убийцы столь грозного человека. В конце концов они молча чокнулись чарками и выпили.

Человек в фиолетовом подался вперед:

— Скажи, а откуда вообще взялся этот Сюнь Хайши? Я слышал лишь о его жестокости да дурной славе, а вот о прошлом — ничего. Словно дикая обезьяна, вылупившаяся из камня, — бах, и прогремел на всю Поднебесную.

Собеседник в сером обычно отличался осторожностью и ни за что не стал бы обсуждать подобные вещи прилюдно. Но то ли новость о кончине наводящего ужас главы ордена придавала ему смелости, то ли хмель ударил в голову — он поколебался мгновение и зашептал:

— Я и сам знаю лишь крупницы. Слышал когда-то от знающих людей, что Сюнь Хайши попал в Павильон Небесной Оси еще ребенком. По меркам ордена он был уже слишком взрослым, кости почти окрепли, так что для обучения боевым искусствам он не годился. Его прибрали к рукам исключительно из-за редкой красоты — хотели вырастить смазливую игрушку на забаву столичным вельможам.

— Да только просчитались. Подобранный щенок оказался свирепым демоном в человеческом обличье.

— Полно тебе, — хмыкнул Ли Ланьтин, и в голосе его прозвучало неприкрытое пренебрежение.
— Неужто в таком грозном месте, как Павильон Небесной Оси, не совладали с сопляком?

А ведь Павильон Небесной Оси подчинялся напрямую императору царства Чжу. По сути, это была тайная служба правителя, личная гвардия убийц. Численность ее была строго ограничена: новое имя в списки вносили лишь тогда, когда погибал кто-то из старых членов.

Каждые несколько лет Павильон собирал по всей стране сирот, бродяжек и безродных крестьянских детей — тех, за кого некому было заступиться и кем легко управлять. В ордене их ждала не столько учеба, сколько жестокая резня на выживание. Уцелевшие в этой бойне попадали во Вспомогательный павильон, откуда их забирали в основной состав на место павших.

— В Павильоне Небесной Оси, сам знаешь, жалости не ведают, — продолжал Чжун Дэю. — Те, кто сумел там выжить, — прирожденные палачи, а уж о главах и говорить нечего. Поначалу Сюнь Хайши хоть и лютовал, но старый глава ордена держал его на коротком поводке, так что рамок он не переходил. Но потом старик внезапно скончался. Прежний глава хоть и был призраком, которого никто в глаза не видел, но к простым людям не лез, вел себя тихо. А стоило ему сгинуть, как цепь, державшая бешеную собаку, лопнула. Сюнь Хайши оказался истинным псом без узды. Ликом прекрасен словно небожитель, а душой чёрен — жестокий, кровожадный, не знающий пощады. Правых и виноватых для него не существовало, имело значение лишь слово государя. Настоящая послушная тварь: чтобы выслужиться перед тронем, он вытравил из себя все человеческое.

Ли Ланьтин прикрыл лицо чаркой, пряча блеснувший взгляд:

— До меня доходили слухи, будто он миновал Вспомогательный павильон и сразу занял место в основном составе Павильона Небесной Оси.

— Ха! Да как бы он туда попал, если собственноручно перебил всех, с кем обучался? Оставь его во Вспомогательном павильоне, он бы и остальных вырезал. Его перевели в Павильон Небесной Оси лишь затем, чтобы запереть в железную клетку под строгий надзор. Туда ему и дорога. Видать, чаша его злодеяний переполнилась, вот и настигла кара.

Чжун Дэю натянул воротник повыше, прикрывая подбородок, и боязливо огляделся:

— Болтают, тело его сожрали бродячие псы, от грозного мастера уцелело лишь несколько обглоданных костей.

Оба сокрушенно покачали головами, хотя в глубине души каждый испытал облегчение. Смерть такого чудовища избавляла от вечного страха. Пока Сюнь Хайши был жив, он казался занесенным над головой мечом, готовым в любой миг опуститься на шею каждого встречного.

Два кувшина опустели. Несмотря на хмель, от страшного разговора по спине вновь пробежал холодок.

Ли Ланьтин заозирался в поисках слуги, желая заказать еще вина, но не успел он подняться, как за спиной раздался густой, раскатистый голос:

— Почтенный, подскажи, далеко ли отсюда до города Юнчжоу? Сколько еще добираться?

Голос звучал уверенно и чисто, легко перекрывая кабацкий гул, так что каждое слово отчетливо отпечаталось в ушах.

Ли Ланьтин, сжимая в руке пустую посудину, обернулся. Их стол стоял в глубине зала, далеко от входа, но заговоривший обратился именно к нему, заметив, что тот собирается встать.

Путник окинул взглядом незнакомца, затем скользнул взором к дверям. Сквозь плотную пелену снегопада у дороги виднелся запряженный экипаж. Глубокие колеи, оставленные колесами в сугробах, говорили о том, что ехали они долго и тяжело.

— Дорога недолгая, — ответил Ли Ланьтин. — Будь погода ясной, доехали бы за время, пока догорает палочка благовоний. Но в такой буран путь тяжел, да и у ворот застрянете. Сейчас на въезде всех досматривают, а стражники в такую стужу наверняка забились в какую-нибудь каморку греться. Придется вам куковать перед закрытыми воротами. Лучше переждите метель здесь.

Он указал на свободные места на скамье:

— Народу сегодня полно, но коли вас немного, можете присесть к нам.

Крепкий детина заколебался. Он бросил взгляд на беснующуюся за порогом вьюгу, и порывом сквозняка ему прямо в лицо швырнуло пригоршню колкого снега.

Ждать у закрытых ворот час-другой в такую погоду — верная гибель, особенно если в карете везут немощного больного.

Придя к этой мысли, здоровяк сложил ладони в приветственном жесте:

— Благодарю за доброту, господин. Спрошу совета у хозяина и тотчас вернусь.

Ли Ланьтин вежливо поклонился в ответ и, дождавшись, пока великан выйдет, покачивающейся походкой направился к стойке выпрашивать вина.

Тем временем здоровяк — а это был не кто иной, как У Фэн — шагнул обратно в снежный хаос и негромко постучал по деревянной стенке кареты.

Дверца приоткрылась, на косяк легла ладонь — пальцы длинные, сильные.

— Что там? Долго еще? — раздался низкий, бархатистый голос Се Юйсуй. Он придерживал плотную занавеску, оберегая пассажира от ледяного воздуха.

— Близо, господин. В ясный день за четверть часа добрались бы, — вполголоса доложил У Фэн. — Да только тамошние завсегдатаи говорят, что у ворот стража лютует, обыскивает каждого. В такую метель служивые наверняка попрятались по теплу, так что у ворот стоим без толку. Может, переждем буран в трактире? Время терпит.

Се Юйсуй задумался. В этот момент из глубины экипажа донесся кашель. Сперва тихий, сухой, он быстро перерос в удушливый надрывный приступ, словно несчастный силился выплюнуть собственные легкие. Лишь спустя добрую минуту больной затих, судорожно ломая ртом воздух.

Се Юйсуй тихо произнес несколько успокаивающих слов, затем решительно откинул полог. На заснеженную землю ступили высокие черные сапоги. Прежде чем У Фэн успел шевельнуться, Се Юйсуй легко спрыгнул на землю и протянул руку внутрь кареты:

— Давай же, вылезай.

Черные волосы Се Юйсуй были высоко стянуты на макушке, длинные пряди метались на ветру

вместе со снежными хлопьями. Строгое черное одеяние, расшитое по подолу тусклым золотом, и широкий пояс подчеркивали стройную, подтянутую фигуру.

У Фэн отступил на шаг, якобы освобождая дорогу, однако его тело незаметно напряглось, готовое в любой миг отразить удар. Он смотрел на темный зев кареты с таким опасением, словно там спал грозный хищник.

Изнутри протянулась тонкая, мертвенно-бледная ладонь и легла в руку Се Юйсуя. Сквозь почти прозрачную кожу просвечивали тонкие синие нити вен. Эта хрупкая кисть казалась болезненной, но в ней таилась странная грация.

Глоток морозного воздуха вновь заставил путника зайтись сухим кашлем. Его тонкие пальцы, сжимавшие руку спутника, мелко дрожали.

Он был укутан в тяжелый плащ лунно-белого цвета, пушистая меховая опушка капюшона скрывала почти все лицо. Темные волосы были небрежно перехвачены лентой на затылке. Едва ступив на подножку, он зажмурился от хлестнувшего в глаза снега.

Слегка приподняв уголки раскосых глаз, больной окинул Се Юйсуя ленивым взглядом, неторопливо сошел на землю и сразу же спрятал озябшие руки в широкие рукава, не проронив ни слова.

На пальцах Се Юйсуя все еще оставалось ощущение ледяного прикосновения, будто он держал за руку мертвеца. И при этом на редкость дерзкого мертвеца — Се Юйсуй незаметно потерял подушечки пальцев. Этот паршивец, пока спускался, умудрился мимоходом дважды сжать его ладонь.

Впрочем, сердиться из-за подобной шалости Се Юйсуй не стал. Повернувшись к великану, он негромко распорядился:

— У Фэн, пристрой где-нибудь лошадей и повозку.

Тот почтительно кивнул:

— Будет сделано, господин. Ступайте греться, а я мигом. И будьте осторожны...

— Знаю, — мягко оборвал его Се Юйсуй и, увлекая спутника за собой, шагнул к дверям трактира.

Заведение звалось «Ветряной напев» — под стать самой горе.

Название звучало изысканно, чего нельзя было сказать о внутреннем убранстве. Столы и

лавки, служившие не одному поколению гостей, потемнели и засалились от времени, а их некогда острые углы давно стерлись и округлились. На отполированных до блеска деревянных поверхностях застыли вековые следы пролитого вина и жирной похлебки.

Едва они переступили порог, как сквозь кабацкий шум долетел приветливый возглас Ли Ланьтина:

— Сюда, почтенные! Я уже говорил вашему слуге: коли вас двое, места на всех хватит, потеснимся!

Се Юйсуй повернулся на голос. Ли Ланьтин в фиолетовом плаще приветливо махал рукой, зябко пряча ладони в рукава. Он и впрямь освободил для них край скамьи.

Вежливо поклонившись в знак признательности, Се Юйсуй усадил своего спутника, присел рядом и подозвал слугу, заказав чайник горячего чая. После чего обратился к соседям:

— Моя искренняя благодарность. Не окажи вы нам услугу, звенели бы мы сейчас зубами под стенами города. Позвольте мне оплатить ваш обед в знак признательности. Прошу, не отказывайте.

— Ну что вы, почтенный, к чему такие траты, — с улыбкой отозвался Ли Ланьтин.

Трактирный слуга водрузил на стол чайник и лениво прошелся по дереву грязной тряпкой. От этой уборки чище не стало: даже застрявшая в щели шелуха от семечка осталась лежать на прежнем месте.

Се Юйсуй налил чаю и пододвинул пиалу спутнику.

Человек в лунно-белом плаще до сих пор хранил молчание. Он медленно выпростал бледную руку, взял чашку и сделал крошечный глоток. Но горячий пар тут же обжег горло, и он, отвернувшись, тихо зашелся в кашле.

— Ох, у вашего друга совсем слабое здоровье, — покачал головой Чжун Дэю. — В такую погоду простуду подхватить — раз плюнуть, а уж больному и вовсе худо. Вы бы бросили этот чай, выпейте лучше горячего вина, оно мигом кровь разгонит. С чем маетесь-то? Лихорадка? В город к лекарю едете?

Он потянулся было с кувшином, чтобы плеснуть вина новому гостю. Се Юйсуй мешать ему не стал, лишь молча наблюдал за происходящим.

Но путник в белом плаще сам перехватил кувшин. Прикрыв рот ладонью, он тихо проговорил:

— Ваша правда. В такой холод без вина не согреешься. Не ровен час застудишь кости — и станешь такой же развалиной, как я.

С этими словами он неторопливо наполнил вином пустую чайную чарку Се Юйсуя и ласково заглянул ему в глаза:

— Выпей, побереги себя.

За столом повисло неловкое, почти осязаемое молчание.

«Это что же... живые обрезанные рукава?» — пронеслось в голове у Чжун Дэю.

Рука Чжун Дэю с кувшином так и зависла в воздухе. Не зная, как реагировать на столь недвусмысленную нежность между двумя мужчинами, он растерянно покосился на приятеля.

Ли Ланьтин, повидавший на своем веку всякое, лишь понимающе усмехнулся и поспешил сгладить неловкость:

— Верно, верно, доброе вино — лучшее лекарство!

Однако разговор не клеился, и над столом нависла натянутая тишина. К счастью, в этот момент дверь распахнулась, и в тепло вошел У Фэн. Он шумно уселся рядом с Се Юйсуем, сгреб со стола чарку и осушил ее в один глоток.

— Хорошо-то как! — выдохнул великан. — И все же странно. С какой стати у ворот досмотр устроили? Раньше в этих краях отродясь такого не было.

Чжун Дэю, у которого под действием хмеля окончательно развязался язык, обрадовался возможности блеснуть знаниями:

— Значит, вы здесь проездом? Если не ради лекарей пожаловали — а хороших врачей у нас отродясь не водилось, — то лучше вам тут не задерживаться. В Юнчжоу нынче беспокойно.

У Фэн покосился на Се Юйсуя и спросил:

— И что же стряслось?

Чжун Дэю заговорщицки подался вперед, растеряв последние остатки благоразумия:

— Поговаривают, в Управлении по умиротворению стряслась какая-то беда. Что именно — тайна за семью печатями, но всполошились они не на шутку. Сам-то наш военный комиссар —

фигура мелкая, власти у него с гулькин нос, да только за его спиной стоят люди из Восточной столицы. Вот местная управа и расшибается в лепешку. Теперь не только у ворот шмонают, но и на улицах то и дело стража останавливает. Наказание господне, а не жизнь.

— Вот оно что, — У Фэн задумчиво потер ладони, согревая их о теплую чарку. — Ну, нам до их чиновничьих дрызг дела нет. Нам бы только в городе на пару дней приткнуться, передохнуть. Дорога долгая, а нашему спутнику совсем худо, боимся загнать его в могилу.

— И то верно, — согласился Чжун Дэю, после чего заулыбался: — Как устроитесь, советую осмотреться. Места у нас знатные, до столицы далеко, так что развлечений хватает на любой вкус. Только ухо держите востро: в последнее время в Юнчжоу наехало полно бродяг с мечами из Цзянху. Уж не знаю, чем наш город прогневал небо в этом году, но беды так и сыплются одна за другой.

— Неужто есть еще какие-то новости? — спросил У Фэн.

— Так болтают же, что сам Сюнь Хайши, глава Павильона Небесной Оси, испустил дух где-то в наших краях. На каком именно холме — бог весть. Искать надо там, где стаи диких псов жирнее, ведь от него, сказывают, только косточки и остались.

Рассказывая это, Чжун Дэю даже не глядел на собеседников, а зря. На лице Се Юйсуй не дрогнул ни один мускул, зато У Фэна перекосило так, словно он изо всех сил силился подавить дикий хохот.

— Да уж... — выдавил из себя великан, и голос его предательски дрогнул. — Не приведи небо никому такой кончины. Какая жалость.

Се Юйсуй пригубил вино, пряча в чарке легкую усмешку.

Его спутник, чье бледное лицо почти полностью скрывал пушистый мех капюшона, хранил загадочное молчание. Из-под меховой опушки поблескивали лишь раскосые, колдовские глаза, делавшие его похожим на лесного духа, явившегося из зимней чащи. Вокруг него словно веяло осязаемой прохладой.

Он бросил мимолетный взгляд на рассказчика, после чего безучастно уставился на чайники, лениво кружащиеся на дне пиалы.

Покончив с жуткими историями, Чжун Дэю вежливо сложил ладони:

— Прошу простить мою невоспитанность, заболтался и забыл представиться. Мое имя Чжун Дэю, скромный книжник без особых дарований. А это мой добрый приятель Ли Ланьтин. Позвольте узнать, как величать вас, почтенные?

— Мое имя У Фэн, — охотно отозвался великан. — Моего господина зовут... Юй Суй. А этот господин...

— Сюнь, — негромко перебил его путник в лунно-белом плаще. Он слегка опустил меховой воротник, приоткрывая тонкие бледные губы, и ласково, с прищуром улыбнулся опешившим собеседникам: — Моя фамилия Сюнь. Та самая, как у Сюнь Хайши.

<http://bllate.org/book/20070/2001628>